

Александр Грин Капитан Дюк

I

Рано утром в маленьком огороде, прилегавшем к одному из домиков общины Голубых Братьев, среди зацветающего картофеля, посаженного правильными кустами, появился человек лет сорока, в вязаной безрукавке, морских суконных штанах и трубообразной черной шляпе. В огромном кулаке человека блестела железная лопатка. Подняв глаза к небу и с полным сокрушением сердца пробормотав утреннюю молитву, человек принялся ковырять лопаткой вокруг картофельных кустиков, разрыхляя землю. Неумело, но одушевленно тыкая непривычным для него орудием в самые корни картофеля, от чего невидимо крошились под землей на мелкие куски молодые, охаживаемые клубни, человек этот, решив наконец, что для спасения души сделано на сегодня довольно, присел к ограде, заросшей жимолостью и шиповником, и по привычке сунул руку в карман за трубкой. Но, вспомнив, что еще третьего дня трубка сломана им самим, табак рассыпан и дана торжественная клятва избегать всяческих мирских соблазнов, омрачающих душу, — человек с лопаткой горько и укоризненно усмехнулся.

— Так, так, Дюк, — сказал он себе, — далеко тебе еще до просветления, если, не успев хорошенько продрать глаза, тянешься уже к дьявольскому растению. Нет — изнурайся, постись и смирись, и не смей тебе даже вспоминать, например, о мясе. Однако страшно хочется есть. Кок... гм... хорошо делал соус к котле... — Дюк яростно ткнул лопаткой в землю. — Животная пища греховна, и я чувствую себя теперь значительно лучше, питаюсь вегетарианской кухней. Да! Вот идет старший брат Варнава.

Из-за дома вышел высокий, сухопарый человек с очками на утином носу, прямыми, падающими на воротник рыжими волосами, бритый, как актер, сутулый и длинноногий. Его шляпа была такого же фасона, как у Дюка, с той разницей, что сбоку тульи блестело нечто вроде голубого плюмажа. Варнава носил черный, наглухо застегнутый сюртук, башмаки с толстыми подошвами и черные брюки. Увидев стоящего с лопатой Дюка, он издали закивал головой, поднял глаза к небу и изобразил ладонями, сложенными вместе, радостное умиление.

— Радуюсь и торжествую! — закричал Варнава пронзительным голосом. — Свет утра приветствует тебя, дорогой брат, за угодным богу трудом. Ибо сказано: «В поте лица своего будешь есть хлеб твой».

— Много камней, — пробормотал Дюк, протягивая свою увесистую клешню навстречу узким, извилистым пальцам Варнавы. — Я тут немножко работал, как вы советовали делать мне каждое утро для очищения помыслов.

— И для укрепления духа. Хвалю тебя, дорогой брат. Ростки божьей благодати несомненно вытеснят постепенно в тебе адову пену и греховность земных желаний. Как ты провел ночь? Смутился твой дух? Садись и поговорим, брат Дюк.

Варнава, расправив кончиками пальцев полы сюртука, осторожно присел на траву. Дюк грузно сел рядом на муравейник. Варнава пристально изучал лицо новичка, его вечно хмурый, крепко сморщенный лоб, под которым блестели маленькие, добродушные, умеющие, когда надо, холодно и грозно темнеть глаза; его упрямый рот, толстые щеки, толстый нос, изгрызенные с вечного похмелья, тронутые сединой усы и властное выражение подбородка.

— Что говорить, — печально объяснял Дюк, постукивая лопаткой. — Я, надо полагать, отчаянный грешник. С вечера, как легли спать, долго ворочался на кровати. Не спится; чертовски хотелось курить и... знаете, это... когда табаку нет, столько слюны во рту, что не наплюешься. Вот и плевался. Потом наконец уснул. И снится мне, что Куркуль заснул на

вахте, да где? — около пролива Кассет, а там, если вы знаете, такие рифы, что бездельника, собственно говоря, мало было бы повесить, но так как он глуп, то я только треснул его по башке линьком. Но этот мерзавец...

— Брат Дюк! — укоризненно вздохнул Варнава. — Кха! Кха!..

Капитан скис и поспешно схватился рукой за рот.

— Еще «Марианну» вспомнил утром, — тихо прошептал он. — Мысленно перецеловал ее всю от рымов до клотиков. Прощай, «Марианна», прощай! Я любил тебя. Если я позабыл переменить кливер, то прости — я загулял с маклером. Не раздражай меня, «Марианна», воспоминаниями. Не смей тебе сниться мне! Теперь только я понял, что спасенье души более важное дело, чем торговля рыбой и яблоками... да. Извините меня, брат Варнава.

Выплакав это вслух, с немного, может быть, смешной, но искренней скорбью, капитан Дюк вытащил полосатый платок и громко, решительно высморкался. Варнава положил руку на плечо Дюка.

— Брат мой! — сказал он проникновенно. — Отрешись от бесполезных и вредных мечтаний. Оглянись вокруг себя. Где мир и покой? Здесь! Измученная душа видит вот этих нежных птичек, славящих бога, бабочек, служащих проявлением истинной мудрости высокого творчества; земные плоды, орошенные потом благочестивых... Над головой — ясное небо, где плывут небесные корабли-облака, и тихий ветерок обвеивает твое расстроенное лицо. Сон, молитва, покой, труд. «Марианна» же твоя — символ корысти, зависти, бурь, опьянения и курения, разврата и сквернословия. Не лучше ли, о брат мой, продать этот насыщенный человеческой гордостью корабль, чтобы он не смущал твою близкую к спасению душу, а деньги положить на текущий счет нашей общины, где разумное употребление их принесет тебе вещественную и духовную пользу?

Дюк жалобно улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он через силу. — Пропадай все. Продать, так продать!

Варнава с достоинством встал, снисходительно поглядывая на капитана.

— Здесь делается все по доброму желанию братьев. Оставляю тебя, другие ждут моего внимания.

II

В десять часов утра, произведя еще ряд опустошений в картофельном огороде, Дюк удалился к себе, в маленький деревянный дом, одну половину которого — обширную пустую комнату с нарочито грубой деревянной мебелью — Варнава предоставил ему, а в другой продолжал жить сам. Община Голубых Братьев была довольно большой деревней, с порядочным количеством земли и леса. Члены ее жили различно: холостые — группами, женатые — обособленно. Капитан, по мнению Варнавы, как испытуемый, должен был провести срок искуса изолированно; этому помогало еще то, что у Дюка существовали деньжонки, а деньжонки везде требуют некоторого комфорта.

Подслеповатый, корявый парень появился в дверях, таща с половины Варнавы завтрак Дюку: кружку молока и кусок хлеба. Смирненно скрестив на груди руки, парень удалился, гримасничая и пятясь задом, а капитан, сердито понюхав молоко, мрачно покосился на хлеб. Пища эта была ему не по вкусу; однако, твердо решившись уйти от грешного мира, капитан наскоро проглотил завтрак и раскрыл библию. Прежде чем приняться за чтение, капитан стыдливо помечтал о великолепных бифштеках с жареным испанским луком, какие умел божественно делать кок Сигби. Еще вспомнилась ему синяя стеклянная стопка, которую Дюк любовно оглаживал благодарным взглядом, а затем, проведя для большей вкусности рукою по животу и крикнув, медленно осушал. «Какова сила врага рода человеческого!» — подумал Дюк, явственно ощутив во рту призрак крепкого табачного дыма. Покрутив головой, чтобы не думать о запретных вещах, капитан открыл библию на том месте, где описывается убийство Авеля, прочел, крепко сжал губы и с недоумением остановился, задумавшись.

«Авель ходил без ножа, это ясно, — размышлял он, — иначе мог бы ударить Каина головой в живот, сшибить и всадить ему нож в бок. Странно также, что Каина не повесили. В общем — неприятная история». Он перевернул полкниги и попал на описание бегства Авессалома. То, что человек запутался волосами в ветвях дерева, сначала рассмешило, а затем рассердило его. — Чиркнул бы ножиком по волосам, — сказал Дюк, — и мог бы удрать. Станный чудак! — Но зато очень понравилось ему поведение Ноя. — Сыновья-то были телята, а старик молодец, — заключил он и тут же понял, что впал в грех, и грустно подпер голову рукой, смотря в окно, за которым вилась лента проезжей дороги. В это время из-за подоконника вынырнуло чье-то смутно знакомое Дюку испуганное лицо и спряталось.

— Кой черт там глазееет? — закричал капитан.

Он подбежал к окну и, перегнувшись, заглянул вниз.

В крапиве, присев на корточки, притаились двое, подымая вверх умоляющие глаза: повар Сигби и матрос Фук. Повар держал меж колен изрядный узелок с чем-то таинственным; Фук же, грустно подперев подбородок ладонями, плачевно смотрел на Дюка. Оба сильно вспотевшие, пыльные с головы до ног, пришли, по-видимому, пешком.

— Это что такое?! — вскричал капитан. — Откуда вы? Что расселись? Встать!

Фук и Сигби мгновенно вытянулись перед окном, сдернув шапки.

— Сигби. — заволновался капитан, — я же сказал, чтобы меня больше не беспокоили. Я оставил вам письмо, вы читали его?

— Да, капитан.

— Все прочли?

— Все, капитан.

— Сколько раз читали?

— Двадцать два раза, капитан, да еще двадцати третий для экипажа «Морского змея»; они пришли в гости послушать.

— Поняли вы это письмо?

— Нет, капитан.

Сигби вздохнул, а Фук вытер замигавшие глаза рукавом блузы.

— Как не поняли? — загремел Дюк. — Вы непроходимые болваны, гнилые буйки, бродяги, — где это письмо? Сказано там или нет, что я желаю спастись?

— Сказано, капитан.

— Ну?

Сигби вытащил из кармана листок и стал читать вслух, выронив загремевший узелок в крапиву.

«Отныне и во веки веков аминь. Жил я, братцы, плохо и, страшно подумать, был настоящим язычником. Поколачивал я некоторых из вас, хотя до сих пор не знаю, кто из вас стянул новый брезент. Сам же, предаваясь ужасающему развратному поведению, дошел до полного помрачения совести. Посему удаляюсь от мира соблазнов в тихий уголок брата Варнавы для очищения духа. Прощайте. Сидите на „Марианне“ и не смейте брать фрагтов, пока я не сообщу, что делать вам дальше».

Капитан самодовольно улыбнулся — письмо это, составленное с большим трудом, он считал прекрасным образцом красноречивой убедительности.

— Да, — сказал Дюк, вздыхая, — да, возлюбленные братья мои, я встретил достойного человека, который показал мне, как опасно попасть в лапы к дьяволу. Что это бренчит у тебя в узелке, Сигби?

— Для вас это мы захватили, — испуганно прошептал Сигби, — это, капитан... холодный грог, капитан, и... кружка... значит.

— Я вижу, что вы желаете моей гибели, — горько заявил Дюк, — но скорее я вобью вам этот грог в пасть, чем выпью. Так вот: я вышел из трактира, сел на тумбочку и заплакал, сам не знаю зачем. И держал я в руке, сколько не помню, золота. И просыпал. Вот подходит святой человек и стал много говорить. Мое сердце растаяло от его слов, я решил раскаяться и поехать сюда. Отчего вы не вошли в дверь, черти полосатые?

— Прячут вас, капитан, — сказал долговязый Фук, — все говорят, что такого нет. Еще попался нам этот с бантом на шляпе, которого видел кое-кто с вами третьего дня вечером. Он-то и прогнал нас. Безутешно мы колесили тут, вокруг деревни, а Сигби вас в окошко заметил.

— Нет, все кончено, — хмуро заявил Дюк, — я не ваш, вы не мои.

Фук зарыдал, Сигби громко засопел и надулся. Капитан начал щипать усы, нервно мигая.

— Ну, что на «Марианне»? — отрывисто спросил он.

— Напились все с горя, — сморкаясь, произнес Фук, — третий день пьют, сундуки пропили. Маклер был, выгодный фрахт у него для вас — скоропортящиеся фрукты; ругается, на чем свет стоит. Куркуль удрал совсем, а Бенц спит на вашей койке в вашей каюте и говорит, что вы не капитан, а собака.

— Как — собака! — сказал Дюк, бледнея от ярости. — Как — собака? — повторил он, высовываясь из окна к струсившим матросам. — Если я собака, то кто Бенц? А? Кто, спрашиваю я вас? А? Швабра он, последняя шваб-р-ра! Вот как?! Стоило мне уйти, и у вас через два дня чешутся обо мне языки? А может быть, и руки? Сигби, и ты, Фук, — убирайтесь вон! Захватите ваш дьявольский узелок. Не искушайте меня. Проваливайте. «Марианна» будет скоро мной продана, а вы плавайте на каком хотите корыте!

Дюк закрыл глаза рукой. Хорошенькая «Марианна», как живая, покачивалась перед ним, блестя новыми мачтами. Капитан скрипнул зубами.

— Обязательно вычистить и проветрить трюмы, — сказал он, вздыхая, — покрасить клюзы и камбуз да как следует прибрать в подшкиперской. Я знаю, у вас там такой порядок, что не отыщешь и фонаря. Потом отправьте «Марианну» в док и осмолите ее. Палубу, если нужно, поконопатить. Бенцу скажите, что я, смиренный брат Дюк, прощаю его. И помните, что вино — гибель, опасайтесь его, дети мои. Прощайте!

— Что ж, капитан, — сказал ошарашенный всем виденным и слышанным Сигби, — вы, значит, переходите, так сказать, в другое ведомство? Ладно, пропадай все, Фук, идем. Скажи, Фук, спасибо этому капитану.

— За что? — невинно осведомился капитан.

— За то, что бросили нас. Это после того, что я у вас служил пять лет, а другие и больше. Ничего, спасибо. Фук, идем.

Фук подхватил узелок, и оба, не оглядываясь, удалились решительными шагами в ближайший лесок — выпить и закусить. Едва они скрылись, как Варнава появился в дверях комнаты, с глазами, поднятыми вверх, и руками, торжественно протянутыми вперед к смущенному капитану.

— Я слышал все, о брат мой, — пропел он речитативом, — и радуюсь одержанной вами над собою победе.

— Да, я продам «Марианну», — покорно заявил Дюк, — она мешает мне, парни приходят с жалобами.

— Укрепись и дерзай, — сказал Варнава.

— Двадцать узлов в полном ветре! — вздохнул Дюк.

— Что вы сказали? — не расслышал Варнава.

— Я говорю, что бойкая была очень она, «Марианна», и руля слушалась хорошо. Да, да. И четыреста тонн.

III

Матросы сели на холмике, заросшем вереском и волчьими ягодами. Прохладная тень кустов дрожала на их унылых и раздраженных лицах. Фук, более хладнокровный, человек факта, далек был от мысли предпринимать какие-либо шаги после сказанного капитаном; но саркастический, нервный Сигби не так легко успокаивался, мирясь с действительностью. Развязывая отвергнутый узелок, он не переставал бранить Голубых Братьев и называть

капитана приличными случая именами, вроде дохлой морской свиньи, сумасшедшего кисля и т.д.

— Вот пирог с ливером, — сказал Сигби. — Хороший пирожок, честное слово. Что за корочка! Прямо как позолоченная. А вот окорочок, Фук; раз капитан брезгует нашим угощением, съедим сами. Грог согрелся, но мы его похолодим в соседнем ручье. Да, Фук, настали черные дни.

— Жаль, хороший был капитан, — сказал Фук. — Право, капиташа был в полной форме. Тяжеловат на руку, да; и насчет словесности не стеснялся, однако лишнего ничего делать не заставлял.

— Не то, что на «Сатурне» или «Клавдии», — вставил Сигби, — там, если работы нет, обязательно ковыряй что-нибудь. Хоть пеньку трепли.

— Свыклись с ним.

— Сухари свежие, мясо свежее.

— Больного не рассчитает.

— Да что говорить!

— Ну, поедим!

Начав с пирога, моряки кончили окороком и глотанием кости. Наконец швырнув окорочную кость в кусты, они принялись за охлажденный грог. Когда большой глиняный кувшин стал легким, а Фук и Сигби тяжелыми, но веселыми, повар сказал:

— Друг, Фук, не верится что-то мне, однако, чтобы такой моряк, как наш капитан, изменил своей родине. Свыкся он с морем. Оно кормило его, кормило нас, кормит и будет кормить много людей. У капитана ум за разум зашел. Вышибем его от Голубых Братьев.

— Чего из них вышибать, — процедил Фук, — когда разума нет.

— Не разум, а капитана.

— Трудновато, дорогой кок, думаю я.

— Нет, — возразил Сигби, — сам я действительно не знаю, как поступить, и не решился бы ничего придумать. Но знаешь что? — Спросим старого Бильдера.

— Вот тебе на! — вздохнул Фук. — Чем здесь поможет Бильдер?

— А вот! Он в этих делах собаку съел. Попутайся-ка, мой милый, семьдесят лет по морям — так будешь знать все. Он, — Сигби сделал таинственные глаза, — он, Бильдер, был тоже пиратом, в молодости, да, грешил и... тсс!.. — Сигби перекрестился. — Он плавал на голландской летучке.

— Врешь! — вздрогнув, сказал Фук.

— Упади мне эта сосна на голову, если я вру. Я сам видел на плече у него красное клеймо, которое, говорят, ставят духи Летучего Голландца, а духи эти без головы, и значит, без глаз, а поэтому сами не могут стоять у руля, и вот нужен им бывает всегда рулевой из нашего брата.

— Н-да... гм... тпру... постой... Бильдер... Так это, значит, в «Кладбище кораблей»?!

— Вот, да, сейчас за доками.

— И то правда, — ободрился Фук. — Может, он и уговорит его не продавать «Марианну». Жаль, суденышко-то очень замечательное.

— Да, обидно ведь, — со слезами в голосе сказал Сигби, — свой ведь он, Дюк этот несчастный, свой, товарищ, бестия морская. Как без него будем, куда пойдём? На баржу, что ли? Теперь разгар навигации, на всех судах все комплекты полны; или ты, может быть, не прочь юнгой трепаться?

— Я? Юнгой?

— Так чего там. Тронемся к старцу Бильдеру. Заплачем, в ноги упадем: помоги, старый разбойник!

— Идем, старик!

— Идем, старина!

И оба они, здоровые, в цвете сил люди, нежно называющие друг друга «стариками», обнявшись, покинули холм, затянув фальшивыми, но одушевленными голосами:

Позвольте вам сказать, сказать,
Позвольте рассказать,
Как в бурю паруса вязать,
Как паруса вязать.
Позвольте вас на саллинг взять,
Ах, вас на саллинг взять,
И в руки мокрый шкот вам дать,
Вам шкотик мокрый дать...

IV

Бильдер, или Морской тряпичник, как называла его вся гавань, от последнего чистильщика сапог до элегантных командиров военных судов, прочно осел в Зурбагане с незапамятных времен и поселился в песчаной, заброшенной части гавани, известной под именем «Кладбища кораблей». То было нечто вроде свалочного места для износившихся, разбитых, купленных на слом парусников, барж, лодок, баркасов и пароходов, преимущественно буксирных. Эти печальные останки когда-то отважных и бурных путешествий занимали площадь не менее двух квадратных верст. В разошедшихся кормах, в дырявых трюмах, где свободно гулял ветер и плескалась дождевая вода, в жалобно скрипящих от ветхости капитанских рубках ютились по ночам парии гавани. Странные процветали здесь занятия и промыслы... Бильдер избрал ремесло морского тряпичника. На маленькой парусной лодке с небольшой кошкой, привязанной к длинному шкерту, бороздил он целыми днями Зурбаганскую гавань, выуживая кошкой со дна морского железные, тряпичные и всякие другие отбросы, затем, сортируя их, продавал скупщикам. Кроме этого, он играл роль оракула, предсказывая погоду, счастливые дни для отплытия, отыскивал удачно краденое и уличал вора с помощью решета. Контрабандисты молились на него: Бильдер разыскивал им секретные уголки для высадок и погрузок. При всех этих частных заработках был он, однако, беден, как церковная крыса.

Прозрачный день гас, и солнце зарывалось в холмы, когда Фук и Сигби, с присохшими от жары языками, вступили на вязкий песок «Кладбища кораблей». Тишина, глубокая тишина прошлого окружала их. Вечерний гром гавани едва доносился сюда слабым, напоминающим звон в ушах, бессильным эхом; изредка лишь пронзительный вопль сирены отходящего парохода нагонял пешеходов или случайно налетевший мартын плакал и хохотал над сломанными мачтами мертвецов, пока вечная прозорливость и аппетит к рыбе не тянули его обратно в живую поверхность волн. Среди остовов барж и бригов, напоминающих оголенными тимберсами чудовищные скелеты рыб, выглядывала изредка полузасыпанная песком корма с надписью тревожной для сердца, с облупленными и отпавшими буквами. «Надеж...» — прочел Сигби в одном месте, в другом — «Победитель», еще дальше — «Ураган», «Смелый»... Всюду валялись доски, куски обшивки, канатов, трупы собак и кошек. Проходы меж полусгнивших судов напоминали своеобразные улицы, без стен, с одними лишь заворотами и углами. Бесформенные длинные тени скрещивались на белом песке.

— Как будто здесь, — сказал Сигби, останавливаясь и осматриваясь. — Не видно дымка из дворца Бильдера, а без дымка что-то я позабыл. Тут как в лесу... Эй!.. Нет ли кого из жителей? Эй! — последние слова повар не прокричал даже, а проорал, и не без успеха; через пять-шесть шагов из-под опрокинутой расщепленной лодки высунулась лохматая голова с печатью приятных размышлений в лице и бородой, содержимой весьма беспечно.

— Это вы кричали? — ласково осведомилась голова.

— Я, — сказал Сигби, — ищу этого колдуна Бильдера, забыл, где его особняк.

— Хороший голос, — заявила голова, покачиваясь, — голос гулкий, лошадиный такой.

В лодке у меня загудело, как в бочке.

Сигби вздумал обидеться и набирал уже воздуху, чтобы ответить с достойной его самолюбия едкостью, но Фук дернул повара за рукав.

— Ты разбудил человека, Сигби, — сказал он, — посмотри, сколько у него в волосах соломы, пуху и щепок; не дай бог тебе проснуться под свой собственный окрик.

Затем, обращаясь к голове, матрос продолжал:

— Укажите, милейший, нам, если знаете, лачугу Бильдера, а так как ничто на свете даром не делается, возьмите на память эту регалию. — И он бросил к подбородку головы медную монету. Тотчас же из-под лодки высунулась рука и прикрыла подарок.

— Идите... по направлению киля этой лодки, под которой я лежу, — сказала голова, — а потом встретите овраг, через него перекинута бревно...

— Ага! Перейти через овраг, — кивнул Фук.

— Пожалуй, если вы любите возвращаться. Как вы дошли до оврага, не переходя его, берите влево и идите по берегу. Там заметите высокий песчаный гребень, за ним-то и живет старик.

Приятели, следуя указаниям головы, вскоре подошли к песчаному гребню, и Сигби, узнав местность, никак не мог уяснить себе, почему сам не отыскал сразу всем известной площадки. Решив наконец, что у него «голова была не в порядке» из-за «этого ренегата Дюка», повар повел матроса к низкой двери лачуги, носившей поэтическое название: «Дворец Бильдера, Короля Морских Тряпичников», что возвещала надпись, сделанная жженой пробкой на лоскутке парусины, прибитом под крышей.

Оригинальное здание это сильно напоминало постройки нынешних футуристов как по разнообразию материала, так и по беззастенчивости в его расположении. Главный корпус «дворца» за исключением одной стены, именно той, где была дверь, составляла ровно отпиленная корма старого галиота, корма без палубы, почему Бильдер, не в силах будучи перевернуть корму килем вверх, устроил еще род куполообразной крыши наподобие куч термитовых муравьев, так что все в целом грубо напоминало откушенное с одной стороны яблоко. Весь эффект здания представляла искусственно выведенная стена; в состав ее, по разряду материалов, входили:

1) доски, обрубки бревен, ивовые корзинки, пустые ящики; 2) шкворни, сломанный умывальник, ведра, консервные жестянки; 3) битый фаянс, битое стекло, пустые бутылки; 4) кости и кирпичи.

Все это, добросовестно скрепленное палками, землей и краденым цементом, образовало стену, к которой можно было прислониться с опасностью для костюма и жизни. Лишь аккуратно прорезанная низкая дощатая дверь да единственное окошко в противоположной стене — настоящий круглый иллюминатор — указывали на некоторую архитектурную притязательность.

Сигби толкнул дверь и, согнувшись, вошел, Фук за ним Бильдер сидел на скамейке перед внушительной кучей хлама. Небольшая железная печка, охапка морской травы, служившей постелью, скамейка и таинственный деревянный бочонок с краном — таково было убранство «дворца» за исключением кучи, к которой Бильдер относился сосредоточенно, не обращая внимания на вошедших. К великому удивлению Фука, ожидавшего увидеть полураздетого, оборванного старика, он убедился, что Бильдер для своих лет еще большой фронт: суконная фуфайка его, подхваченная у брюк красным поясом, была чиста и прочна, а парусинные брюки, запачканные смолой, были совсем новые. На шее Бильдера пестрело даже нечто вроде цветного платка, скрученного морским узлом. Под шапкой седых волос, переходивших в такие же круто нависшие брови и щетинистые баки, ворочались колючие глаза-щели, освещающая высохшее, жесткое и угрюмое лицо с застывшей усмешкой.

— Здр... здравствуйте, — нерешительно сказал Сигби.

— Угу! — ответил Бильдер, посмотрев на него сбоку взглядом человека, смотрящего через очки... — Кх! Гум!

Он вытащил из кучи рваную женскую галошу и бросил ее в разряд более дорогих предметов.

— Помоги, Бильдер! — возопил Сигби, в то время как Фук смотрел поочередно то в рот товарищу, то на таинственный бочонок в углу. — Все ты знаешь, везде бывал и всюду... как это говорится... съел собаку.

— Ближе к ветру! — прошамкал Бильдер, отправляя коровий череп в коллекцию костяного товара.

Сигби не заставил себя ждать. Оттягивая рукой душивший его разгоряченную шею воротник блузы, повар начал:

— Сбежал капитан от нас. Ушел к сектантам, к Братьям Голубым этим, чтобы позеленели они! Не хочу и не хочу жить, говорит, с вами, язычниками, и сам я язычник. Хочу спастись. Мяса не ест, не пьет и не курит и судно хочет продать. До чего же обидно это, старик! Ну, что мы ему сделали? Чем виноваты мы, что только на палубе кусок можем свой заработать?.. Ну, рассуди, Бильдер, хорошо ли стало теперь: пошло воровство, драки; водку — не то что пьют, а умываются водкой; «Марианна» загажена; ни днем, ни ночью вахты никто не хочет держать. Ему до своей души дела много, а до нашей — тьфу, тьфу! Но уж и поискать такого в нашем деле мастера, разумеется, кроме тебя, Бильдер, потому что, как говорят...

Сигби вспомнил Летучего Голландца и, струсив, остановился. Фук побледнел; мгновенно фантазия нарисовала ему дьявольский корабль-призрак с Бильдером у штурвала.

— Угу! — промычал Бильдер, рассматривая обломок свинцовой трубки, железное кольцо и старый веревочный коврик и, по-видимому, сравнивая ценность этих предметов. Через мгновение все они, как буквы из руки опытного наборщика, гремя, полетели к своим местам.

— Помоги, Бильдер! — молитвенно закончил взволнованный повар.

— Чего вам стоит! — подхватил Фук.

Наступило молчание. Глаза Бильдера светились лукаво и тихо. По-прежнему он смотрел в кучу и сортировал ее, но один раз ошибся, бросив тряпку к костям, что указывало на некоторую задумчивость.

— Как зовут? — хрипнул беззубый рот.

— Сигби, кок Сигби.

— Не тебя; того дурака.

— Дюк.

— Сколько лет?

— Тридцать девять.

— Судно его?

— Его, собственное.

— Давно?

— Десять лет.

— Моет, трет, чистит?

— Как любимую кошку.

— Скажите ему, — Бильдер повернулся на скамейке, и просители со страхом заглянули в его острые, блестящие глаза-точки, смеющиеся железным, спокойным смехом дряхлого прошлого, — скажите ему, щенку, что я, Бильдер, которого он знает двадцать пять лет, утверждаю: никогда в жизни капитан Дюк не осмелится пройти на своей «Марианне» между Вардом и Зурбаганом в проливе Кассет с полным грузом. Проваливайте!

Сказав это, старик подошел к таинственному бочонку, нацедил в кружку весьма подозрительно-ароматической жидкости и бережно проглотил ее. Не зная

— недоумевать или благодарить, плакать или плясать, повар вышел спиной, надев шапку за дверь. Тотчас же вывалился и Фук.

Фук не понимал решительно ничего, но повар был человек с более тонким соображением; когда оба, усталые и пыльные, пришли наконец к харчевне «Трезвого

странника», он переварил смысл сказанного Бильдером, и, хоть с некоторым сомнением, но все-таки одобрил его.

— Фук, — сказал Сигби, — напишем, что ли, этому Дюку. Пускай проглотит пилюлю от Бильдера.

— Обидится, — возразил Фук.

— А нам что. Ушел, так терпи.

Сигби потребовал вина, бумаги и чернил и вывел безграмотно, но от чистого сердца следующее:

«Никогда Дюк не осмелится пройти на своей „Марианне“ между Вардом и Зурбаганом в проливе Кассет с полным грузом. Это сказал Бильдер. Все смеются.

Экипаж «Марианны».

Хмельные поплелись товарищи на корабль. Гавань спала. От фонарей судов, отражений их и звезд в небе весь мир казался бархатной пропастью, полной огней вверху и внизу, всюду, куда хватал глаз. У мола, поскрипывая, толкались на зыби черные шлюпки, и черная вода под ними сверкала искрами. У почтового ящика Сигби остановился, опустил письмо и вздохнул.

— Ясно, как пистолет и его бабушка, — проговорил он, нежно целуя ящик,

— что Дюк изорвет тебя, сердечное письмецо, в мелкие клочки, но все-таки! Все-таки! Дюк... Не забывай, кто ты!

V

Вечером в воскресенье, после утомительного бездельного дня, пения духовных стихов и проповеди Варнавы, избравшего на этот раз тему о нестяжательстве, капитан Дюк сидел у себя, погруженный то в благочестивые, то в греховные размышления. Скука томила его, и раздражение, вызванное вчерашним неудачным уроком паханья, когда, как казалось ему, даже лошадь укоризненно посматривала на неловкого капитана, взявшегося не за свое дело, улеглось не вполне, заставляя говорить самому себе горькие вещи.

— «Плуг, — размышлял капитан, — плуг... Ведь не мудрость же особенная какая в нем... но зачем лошадь приседает?» Говоря так, он не помнил, что круто нажимал лемех, отчего даже три лошади не могли бы двинуть его с места. Затем он имел еще скверную морскую привычку — всегда тянуть на себя и по рассеянности проделывал это довольно часто, заставляя кобылу танцевать взад и вперед. Поле, вспаханное до конца таким способом, напоминало бы поверхность луны. Кроме этой весьма крупной для огромного самолюбия Дюка неприятности, сегодня он резко поспорил с школьным учителем Клоски. Клоски прочел в газете о гибели гигантского парохода «Корнелиус» и, несмотря на насмешливое восклицание Дюка: «Ага!», стал утверждать, что будущее в морском деле принадлежит именно этим «плотам», как презрительно называл «Корнелиуса» Дюк, а не первобытным «ветряным мельницам», как определил парусные суда Клоски. Ужаленный, Дюк встал и заявил, что, как бы то ни было, никогда не взял бы он Клоски пассажиром к себе, на борт «Марианны». На это учитель возразил, что он моря не любит и плавать по нему не собирается. Крепя сердце, Дюк спросил: «А любите вы маленькие, грязные лужи?» — и, не дожидаясь ответа, вышел с сильно бьющимся сердцем и тягостным сознанием обиды, нанесенной своему ближнему.

После этих воспоминаний Дюк перешел к обиженной «ветряной мельнице», «Марианне». Пустая, высоко подняв грузовую ватерлинию над синей водой, покачивается она на рейде так тяжело, так жалостно, как живое, вздыхающее всей грудью существо, и в крепких реях ее посвистывает ненужный ветер.

— Ах, — сказал капитан, — что же это я растр? Надо выйти пройтись! — Прикрутив лампу, он открыл дверь и нырнул в глухую, лающую собаками тьму. Постояв немного посреди спящей улицы, капитан завернул вправо и, поравнявшись с окном Варнавы, увидел, что оно, распахнутое настежь, горит полным внутренним светом. «Читает или пишет», —

подумал Дюк, заглядывая в глубину помещения, но, к изумлению своему, заметил, что Варнава производит некую странную манипуляцию. Стоя перед столом, на котором, подогреваемый спиртовкой, бурлил, кипя, чайник, брат Варнава осторожно проводил по клубам пара небольшим запечатанным конвертом, время от времени пробуя поддеть заклепку столовым ножом.

Как ни был наивен Дюк во многих вещах, однако же занятие Варнавы являлось весьма прозрачным. — «Вот как, — оторопел, прошептал капитан, приседая под окном до высоты шеи, — проверку почты производишь, так, что ли?» На миг стало грустно ему видеть от уважаемой личности неблаговидный поступок, но, опасаясь судить преждевременно, решил он подождать, что будет делать Варнава дальше. «Может быть, — размышлял, затаив дыхание, Дюк, — он не расклеивает, а заклеивает?». Тут произошло нечто, опровергнувшее эту надежду. Варнава, водя письмом над горячим паром кастрюльки, уронил пакет в воду, но, пытаясь схватить его на лету, опрокинул спиртовку вместе с посудой. Гремя, полетело все на пол; сверкнул, шипя, залитый водой синий огонь и потух. Отчаянно всплеснув руками, Варнава проворно выхватил из лужи мокрое письмо, затем, решив, что адресату возвращать его в таком виде все равно странно, поспешно разорвал конверт, бегло просмотрел текст и, сунув листок на подоконник, почти к самому носу быстро нагнувшего голову капитана, побежал в коридор за тряпкой.

— Ну-да, — сказал капитан, краснея как мальчик, — украл письмо брат Варнава! — Осторожно выглянув, увидел он, что в комнате никого нет, и отчасти из любопытства, а более из любви ко всему таинственному нагнулся к лежавшему перед ним листку, рассуждая весьма резонно, что письмо, претерпевшее столько манипуляций, стоит прочесть. И вот, сжав кулаки, прочел он то, что, высунув от усердия язык, писал Сигби.

Он прочел, повернулся спиной к окну и медленно, на цыпочках, словно проходя мимо спящих, пошел от окна в сторону огородов. Было так темно, что капитан не видел собственных ног, но он знал, что его щеки, шея и нос пунцовее мака. Несомненное шпионство Варнавы мало интересовало его. И Варнава, и Голубые Братья, и учитель Клоски, и неуменье пахать — все было слизано в этот момент той смертельной обидой, которую нанес ему мир в лице Морского Тряпичника. Кто угодно мог бы сказать это, только не он. Остальные могут говорить что угодно. Но Бильдер, которому двадцать лет назад на палубе «Веги», где тот служил капитаном, смотрел он в глаза преданно и трусливо, как юный щенок смотрит в опытные глаза матери; Бильдер, каждое указание которого он принимал к сердцу ближе, чем поцелуй невесты; Бильдер, знающий, что он, Дюк, два раза терпел крушение, сходя на шлюпку последним; этот Бильдер заочно, а не в глаза высмеял его на потеху всей гавани. Да! Дюк стиснул руками голову и опустил на землю, к изгороди. Прямая душа его не подозревала ни умысла, ни интриги. Правда, Кассет очень опасен, и не многие ради сокращения пути рискуют идти им, дабы не огибать Вард; но он, Дюк, разве из трусости избегал «Безумный пролив»? Менее всего так. Осторожность никогда не мешает, да и нужды прямой не было; но, если пошло на то...

— Постой, постой, Дюк, не горячись, — сказал капитан, чувствуя, что потеет от скорби. — Кассет. Слева гора, маяк, у выхода буруны и левее плоская, отмеченная на всех картах мель; фарватер южнее, и форма его напоминает гитару; в перехвате поперек две линии рифов; отлив на девять футов, после него можно стоять на камнях по щиколотку. Сильное косое течение относит на мель, значит, выходя из-за Варда, забирать против течения к берегу и между рифами — так... — Капитан описал в темноте пальцем латинское S. — Затем у выхода вдоль бурунов на норд-норд-ост и у маяка на полкабельтова к берегу — чик и готово!

«Разумеется, — горестно продолжал размышлять Дюк, — все смотрят теперь на меня, как на отпетого. Я для них мертв. А о мертвом можно болтать что угодно и кому угодно. Даже Варнава знает теперь — негодный шпион! — на какую мелкую монету разменивают капитана Дюка». Тяжело вздыхая, ловил он себя на укорах совести, твердившей ему, что совершено за несколько минут множество смертельных грехов: поддался гневу и гордости,

впал в самомнение, выругал Варнаву шпионом... Но уже не было сил бороться с властным призывом моря, принесшим ему корявым, напоминающим ветреную зыбь, почерком Сигби любовный, нежный упрек. Торжественно помолчав в душе, капитан выпрямился во весь рост; отчаянно махнул рукой, прощаясь с праведной жизнью, и, далеко швырнув форменный цилиндр Голубых Братьев, встал грешными коленями на грязную землю, сыном которой был.

— Боже, прости Дюка! — бормотал старый ребенок, сморкаясь в фуляровый платок. — Пропать, конечно, мне суждено, и ничего с этим уже не поделаешь. Ежели б не Кассет — честное слово, я продал бы «Марианну» за полцены. Весьма досадно. Пойду к моим ребятишкам — пропадать, так уж вместе.

Встав и уже петушась, как в ясный день на палубе после восьмичасовой склянки, когда горло кричит само собой, невинно и беспредметно, выражая этим полноту жизни, Дюк перелез изгородь, промаршировал по огурцам и капусте и, одолев второй, более высокий забор, ударился по дороге к Зурбагану, жадно дыша всей грудью, — прямой дорогой, как выразился он, немного спустя, сам, — в ад.

VI

Стихи о «птичке, ходящей весело по тропинке бедствий, не предвидя от сего никаких последствий», смело можно отнести к семи матросам «Марианны», которые на восходе солнца, после бессонной ночи, расположились на юте, с изрядно помятыми лицами, предаваясь каждый занятию, более отвечающему его наклонностям. Легкомысленный Бенц, перегнувшись за борт, лукаво беседовал с остановившейся на молу хорошенькой прачкой; Сигби, проклиная жизнь, гремел на кухне кастрюлями, швыряя в сердцах ложки и ножи; Фук меланхолично чинил рваную шапку, старательно мусли не только нитку, но и ушко огромной иглы, попасть в которое представлялось ему, однако же, делом весьма почтенным и славным; а Мануэль, Крисс, Тромке и боцман Бангок, сидя на задраенном трюме, играли попарно в шестьдесят шесть.

Внезапно сильно как под слоном закрипели сходни, и на палубу под низкими лучами солнца вползла тень, а за ней, с измученным от дум и ходьбы лицом, без шапки, твердо ступая трезвыми ногами, вырос и остановился у штирборта капитан Дюк. Он медленно исподлобья осмотрел палубу, крикнул, вытер ладонью пот, и неуловимая, стыдливая тень улыбки дрогнула в его каменных чертах, пропав мгновенно, как случайная складка паруса в полном ветре.

Бенц прынул от борта с быстротой спущенного курка. Девушка, стоявшая внизу, раскрыла от изумления маленький, детский рот при виде столь загадочного исчезновения кавалера. Сигби, обернувшись на раскрытую дверь кухни, пролил суп, сдернул шапку, надел ее и опять сдернул. Фук с испуга сразу, судорожно попал ниткой в ушко, но тут же забыл о своем подвиге и вскочил. Игроки замерли на ногах. А «Марианна» покачивалась, и в стройных снастях ее гудел нужный ветер.

Капитан молчал, молчали матросы. Дюк стоял на своем месте, и вот — медленно, как бы не веря глазам, команда подошла к капитану, став кругом. «Как будто ничего не было», — думал Дюк, стараясь определить себе линию поведения. Спокойно поочередно встретился он глазами с каждым матросом, зорко следя, не блеснет ли затаенная в углу губ усмешка, не дрогнет ли самодовольной гримасой лицо боцмана, не пустит ли слезу Сигби. Но с обычной радушной готовностью смотрели на своего капитана деликатные, понимающие его состояние моряки, и только в самой глубине глаз их искрилось человеческое тепло.

— Что ты думаешь о ветре, Бангок? — сказал Дюк.

— Хороший ветер; господин капитан, дай бог всякого здоровья такому ветру; знойд-ост на две недели.

— Бенц, принеси-ка... из своей каюты мою белую шапку!

Бенц, струсив, исчез.

— Поднять якорь! — закричал капитан, чувствуя себя дома, — вы, пьяницы, неряхи, бездельники! Почему шлюпка спущена? Поднять немедленно! Закрепить ванты! Убрать сходни! Ставь паруса! «Марианна» пойдет без груза в Алан и вернется — слышите вы, трусы? — с полным грузом через Кассет.

Он успокоился и прибавил:

— Я вам покажу Бильдера.

ПРИМЕЧАНИЯ

Линек — короткая веревка, тоньше одного дюйма (25 мм), с узлом на конце, служившая на судах для наказания.

Авессалом — сын библейского царя Давида, умер, запутавшись волосами в листе дуба.

Фрахт — плата за перевозку груза, здесь: предложение о перевозке.

Шкворень (шворень) — стержень, вставляемый в переднюю ось повозки, как рычаг поворота.

Рым — железное кольцо для швартовки, привязывания канатов, других снастей.